

с крестьянами возлагалось на земских инструкторов. От того, насколько успешно они справятся с возложенными на них обязанностями, напрямую зависит уровень поддержки Временного Сибирского, а позднее и Временного Всероссийского правительства.

Библиографический список

1. Чирков А. А. К вопросу о земстве на Алтае в 1917–1919 гг. // Факультет истории и права БПГУ им. В. М. Шукшина в документах, свидетельствах очевидцев: вчера, сегодня, завтра. Бийск, 2006. С. 139–143.
2. Шиловский М. В. Представительные и законодательные функции в деятельности земских учреждений Алтайской губернии в 1917–1919 гг. // Представительная и законодательная власть: история и современность: материалы науч.-практ. конф., 16–17 сентября 2009 г. Барнаул, 2010. С. 264–270.
3. Яковлева Н. А. Деятельность Алтайского земского самоуправления в 1917–1919 годах // Местное самоуправление на Алтае, 1747–1919: сб. док. / Адм. Алт. края, Упр. арх. дела адм. Алт. края; сост. О. Н. Дударева [и др.]. Барнаул: Алтайский полиграф. комбинат, 2003. С. 434–444.

4. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 233. Оп. 2. Д. 29.
5. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень: ТюмГУ, 1999. 215 с.
6. ГААК Ф. 233. Оп. 2. Д. 34.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1561. Оп. 1 Д. 10.
8. ГААК Ф. 233 Оп. 2 Д. 119.
9. ГААК Ф. 233. Оп. 3. Д. 64.
10. ГААК Ф. 233. Оп. 3. Д. 33.
11. ГААК Ф. 233. Оп. 3 Д. 78.
12. ГААК Ф. 224. Оп. 1. Д. 103.
13. ГААК Ф. 233. Оп. 1в. Д. 11.
14. ГААК Ф. 233. Оп. 3. Д. 78. Л. 4.

ГОРДЕЕВ Александр Геннадьевич, аспирант кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин.

Адрес для переписки: lex.ag@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.01.2017 г.

© А. Г. Гордеев

УДК 93/94+327.5“1919”

М. М. СТЕЛЬМАК

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

НОТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АНТАНТЫ РОССИЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ А. В. КОЛЧАКА: ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ОМСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛЕТОМ 1919 г.

Статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками антибольшевистского движения в связи с получением ноты об официальном признании. На основе широкого круга источников (воспоминания, дневники, документы, периодические издания) впервые предпринята попытка подробно рассмотреть со всех сторон реакцию политических деятелей на возможность признания омского правительства. Автором разобраны внешнеполитические условия накануне и после получения данной ноты, а также анализируются причины непризнания омского правительства.

Ключевые слова: Гражданская война в России, белое движение, Антанта, Омск, международные отношения.

В конце весны 1919 г. Российское правительство А. В. Колчака активизировало деятельность, направленную на международное признание со стороны союзных стран. По свидетельству управляющего Советом министров Российского правительства Г. К. Гинса: «Внешнюю политику делала армия. От неё зависели и размеры, и последовательность союзников» [1, с. 305]. И именно апрель–май 1919 г. были наиболее успешным периодом боевых действий для антибольшевистских сил на Восточном фронте. От успехов, прежде всего, зависело увеличение союзных поставок. В. Н. Пепеляев, министр вну-

тренних дел Российского правительства А. В. Колчака, один из главных организаторов омского переворота 18 ноября 1918 г., замечал по данному поводу: «Мы живём на проценты от тех эффектов, которые произвели весенним наступлением» [2, с. 165].

Однако, в то же время, большие усилия прилагала и дипломатия. Главная задача состояла в убеждении мировой общественности в демократичности правительства, разъяснении, что «антибольшевистское движение приведет к созданию новой, свободной, демократической России» [3, с. 203]. Весной 1919 г. Югославией было официально

признано Российское правительство А. В. Колчака. Но данный факт в Омске не был расценен как что-то важное и значительное. Гораздо важнее было признание западноевропейских государств, также Североамериканских Соединённых Штатов (далее — САСШ) и Японии. Поэтому в сибирской печати факт признания Югославией практически остался без внимания [4, с. 76].

В конце апреля 1919 г. в Омск приходят очередные приветствия от британского и французского правительств, выражающие надежду, что в скором будущем уже вся Россия в целом вернётся в ряды союзников. Вскоре похожие сообщения пришли из САСШ. «В начале мая получены были указания из Америки, что общественное мнение её начинает явно склоняться в сторону Омского правительства. Многие органы высказываются за признание адмирала Колчака» [1, с. 339]. Кроме этого, из Лондона сообщалось, что Великобритания не собирается признавать Советскую Россию [5, л. 47].

В Омске подобные сообщения не оставались без ответа. Так, в мае 1919 г. А. В. Колчак отправляет У. Черчиллю телеграмму с выражением персональной благодарности за его деятельность [6, с. 96]. Несмотря на это, от Российского правительства А. В. Колчака требовались гарантии в поддержке демократических институтов. Ещё в январе 1919 г. посол во Франции и член Русского политического совещания В. А. Маклаков, в секретной телеграмме в Омск отмечал, что «война здесь кончилась победой демократии и демократические идеи сильны. Это страшно влияет на отношение к России. Вопросы интервенции, признания Правительства, нашего полноправного участия на конгрессе и даже сами условия мира зависят от того, в какой мере будущая Россия будет внушать доверие и симпатии демократиям-победительницам. Необходимо не только воздержаться от каких-либо шагов, которые давали бы повод предполагать восстановление господства привилегий, но необходимы торжественные положительные заявления, которые показали бы истинное лицо той России, которая будет завтра» [7, л. 2].

В. О. Клемм, советник МИД на Дальнем Востоке на правах товарища министра в секретной телеграмме в Омск писал о своём частном разговоре с Ч. Элиотом следующее: «Я думаю, что виды на скорое признание правительства адмирала Колчака в общем благоприятны, но адмирал должен помнить, что за границей имеются влиятельные лица, настаивающие на представлении доказательств того, что Правительство это не реакционное» [8, л. 18]. Здесь сыграли свою роль и многочисленные заверения из Омска о созыве Учредительного (или Национального) собрания. Хотя сам А. В. Колчак в беседах со своими соратниками уточнял, что если вдруг созовёт его, то пустит туда только государственно-здоровые элементы (критерии отбора, видимо, оставались за ним) [6, с. 146].

Однако союзникам нужны были и другие гарантии, несмотря на то что на мирной конференции член делегации от антибольшевистской России Н. В. Чайковский в своём выступлении делал акцент на том, что А. В. Колчак ни в коем случае не будет содействовать реакции и доведет страну до Учредительного собрания. Поэтому 26 мая 1919 г. Верховным советом Антанты была составлена нота от Великобритании, Франции, Италии, САСШ и Японии об условиях оказания помощи Российскому правительству. В ней союзники уверяли о своей готовности в дальнейшем оказывать

помощь оружием, техникой и продовольствием. Но в ноте указывалось, что в связи с нарастанием протестов против вмешательства в Гражданскую войну в России хотелось бы получить гарантии, что «Верховный Правитель работает для русского народа, для свободы, самоуправления и мира» [3, с. 207]. Условия, указанные в ноте, сводились к нескольким пунктам:

1. Созыв Учредительного собрания при занятии Москвы.

2. Не оказывать сопротивления созыву и избранию городских и земских самоуправлений.

3. Не предпринимать попыток для восстановления прежнего аграрного режима, стеснения гражданских прав и религиозных свобод.

4. Признать независимость Польши и Финляндии, возникшие разногласия с Эстонией, Латвией, Литвой, «с кавказскими и закаспийскими народами», вопрос с ними решить при содействии Лиги наций [3, с. 207].

Реакция на ноту в Российском правительстве была двоякой. С. П. Мельгунов отмечал, что в Омске ноту союзников восприняли как некий экзамен, который хоть и раздражал, «но не время было раздражаться» [9, с. 289]. Уже 4 июня 1919 г. последовал официальный ответ союзникам. Стоит отметить, что данная нота не явилась чем-то особенным и неожиданным для Российского правительства, как предложение о созыве конференции на Принцевых островах. Примерно с начала 1919 г. в секретной переписке дипломатических представителей антибольшевистской России в Омск упоминались пункты будущей ноты. Из секретной телеграммы члена Русского Политического Совещания в Париже и Русской заграничной делегации на Парижской мирной конференции С. Д. Сазонова на имя П. В. Вологодского можно сделать вывод, что союзная нота передавалась в Омск практически одновременно с ответом на неё [3, с. 208]. В ответе от 4 июня 1919 г. по-прежнему выражалось уважение к союзникам, подчёркивался единый интерес в борьбе с общим противником. Подразумевалось, что никто не воспринял ноту, как вмешательство во внутренние дела России. А. В. Колчак отмечал: «Высоко ценя интерес, проявленный державами к национальному движению, и признавая законным их желание удостовериться в политических убеждениях, исповедуемых нами, я готов ещё раз подтвердить свои прежние декларации, которые я всегда считал неизменными» [9, с. 290].

В ответе было сказано, что сам А. В. Колчак не претендует на власть и передаст её вскоре после победы над противником Учредительному собранию. Но при этом оговаривалось, что это будет не прежнее собрание, распущенное в январе 1918 г., а заново избранное. В ответной ноте идея созыва Учредительного (или Национального, как предпочитал называть его А. В. Колчак) собрания служило универсальным инструментом. Касаясь вопросов, связанных с независимостью Польши и Финляндии, Верховный правитель не отрицал возможности признания, но подчёркивал, что не может принимать окончательного решения до созыва Учредительного собрания, поскольку только оно, как выразитель интересов народа, должно окончательно решить этот вопрос.

Далее в ответе говорилось о верности принципам декларации от 27 ноября 1918 г., признававшей все государственные долги России. В конце немало места было уделено демократическим

преобразованиям. К режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г., не могло быть никакого возврата. Подчёркивалось, что Российское правительство не делает никаких препятствий к свободным выборам в поместные собрания, городские управы и земства и даже старается оказывать им свою поддержку. Вопросы местного самоуправления, судьбы земств не могли не написать в ответе, В. Н. Пепеляев отмечал в дневнике, что эти вопросы всегда волновали иностранцев [10, с. 83]. Последний пункт ответа гласил: «Поставив себе задачей восстановление порядка и справедливости и обеспечение личной безопасности населению, преследуемому и изнемогающему от испытаний, Правительство подтверждает равенство перед законом всех классов общества и всех граждан без всяких специальных преимуществ; все без различия происхождения и вероисповедания, будут пользоваться покровительством государства и закона» [9, с. 291]. В самом конце говорилось, что разрешение всех вопросов произойдёт после победы над противником [11, с. 380].

Условия ноты союзных держав, по своей сути, были одновременно нужны как правительствам западных стран, так и антибольшевистскому движению. На Западе постепенно росло недовольство участием вооружённых сил в Гражданской войне в России, сказывалась усталость от недавно завершившейся войны в Европе. В апреле 1919 г. происходит Черноморское восстание на кораблях французского ВМФ, вызванное нежеланием моряков участвовать в интервенции [12, с. 55].

Нужны были определённые заверения от Российского правительства А. В. Колчака в демократических намерениях. С другой стороны, ещё не забылись последствия приглашения антибольшевистских сил на Принцевы острова. В Омске подобная нота могла восприниматься как очередные притязания союзников на решение внутренних вопросов. Кроме этого, Российское правительство могло предстать в свете несамостоятельного и подконтрольного органа власти. Как вспоминал управляющий министерством иностранных дел Российского правительства А. В. Колчака И. И. Сукин о характере ноты: «Она произвела бы, несомненно, отрицательное впечатление и при развившемся в нашем общественном мнении раздражении и шовинизме могла бы вызвать резкий отпор. В то же время я сознавал крайнюю необходимость повернуть этот шаг держав в нашу пользу, а отнюдь не делать его источником новых осложнений» [13, с. 482].

Неоднозначным было отношение к ноте и со стороны кадетской партии, являвшейся главной опорой политического режима А. В. Колчака. Лидеры кадетов считали, что ради помощи демократических держав Антанты нужно прикрывать диктатуру А. В. Колчака «демократической фразеологией» [14, с. 236]. Но одновременно в Омске прекрасно понимали, что без союзной поддержки не обойтись, с условиями придётся считаться, хотя бы чисто на бумаге. Понимали это и союзники. Французский генерал М. Жанен в сообщении министерству иностранных дел Франции указывал, что Российское правительство ради признания подпишет всё что угодно [3, с. 208].

В итоге ответ устроил всех. В Омске нота была представлена как решающей шаг к официальному признанию, на Западе были удовлетворены демократическим тоном ответа [15, с. 2]. В послании

от союзников указывалось: «Союзные и дружественные державы счастливы, что общий тон ответа адмирала Колчака и его основные положения находятся в соответствии с их предложениями. Ответ содержит удовлетворяющие их заверения о свободе, мире и самоуправлении русского народа и его соседей. Поэтому они готовы предоставить адмиралу и присоединившимся к нему помощь, упомянутую в предыдущем сообщении» [3, с. 208]. Кроме этого, в омских официальных изданиях подчёркивалось, что ответ союзников окажет серьёзное влияние на ход Гражданской войны [16, с. 35].

Тем не менее ряд союзных представителей в кулуарах считал, что нота имеет важные уступки, поскольку не требует прекращения произвола, ограничения террора и гарантии открытых и быстрых разбирательств для арестованных [17, с. 77]. Тем более ещё в декларации Верховного правительства от 7 декабря 1918 г. заявлялось, что союзники во взаимоотношениях с правительством А. В. Колчака будут руководствоваться «великими идеалами гуманности, справедливости и международной солидарности» [18, с. 345].

Антибольшевистские газеты Сибири пытались представить ноту как фактическое признание на Западе. «Из Парижа телеграфируют, что движение в пользу признания правительства адмирала Колчака союзниками настолько сильно, что опубликование такого акта в скором времени не будет ни для кого удивительным» [19, с. 3]. Подробно излагались перспективы, связанные с признанием, причём в духе, будто оно уже давно совершилось [20, с. 3]. Приводились материалы западной прессы: «Газета "Дэйли Хроникл" на основании сведений, полученных от Ллойд Джорджа, сообщает, что британское, вероятно, скоро признает правительство адмирала Колчака» [21, с. 2].

Ещё до официального ответа на ноту, С. Д. Сазонов в секретной телеграмме от 1 июня 1919 г. на имя управляющего министерством иностранных дел И. И. Сукина описывая впечатление от встречи с государственными и общественными деятелями Великобритании и Франции отметил, что они крайне заинтересованы в поддержке Российского правительства А. В. Колчака [7, л. 58].

Здесь можно увидеть совпадение классовых интересов антибольшевистских сил и правительств союзных держав в борьбе с общим противником. Для антибольшевистского лагеря главной целью являлась победа над неприятелем, узурпировавшим, по их мнению, власть. Для союзников наилучшим вариантом являлась победа дружественного политического режима, обеспечивающего доступ к российским ресурсам, и получение доли в промышленных отраслях. Кроме этого, союзники видели в белом движении единственную силу, сражающуюся с большевиками, которая вынуждена была просить у союзных держав помощь, на словах идя на любые демократические преобразования. Будущие границы России ставились в зависимость от воли Учредительного собрания.

Такая формулировка была необходима, чтобы не испортить отношения с антибольшевистскими движениями на окраинах бывшей империи, скрывая истинные намерения в целях общей миссии. Н. В. Чайковский ещё весной 1919 г. отметил, что белые правительства и их представители всё ещё продолжают понимать задачу собирания земель русского государства в смысле приемов XVI–XVII вв., что ставит всё дело на мёртвую точку [3, с. 196].

Выше уже упоминалось отношение А. В. Колчака к государственно-здоровым элементам в Учредительном собрании. Среди представителей союзников, находящихся в Омске, восприятие Верховного правителя носило разные формы. Его, безусловно, поддерживал глава британской военной миссии, генерал А. Нокс, положительно оценивающий диктаторскую форму власти. Ещё в 1917 г., после корниловского выступления, А. Нокс заявил: «Этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно» [22, с. 127]. О своих симпатиях к омскому правительству А. Нокс неоднократно писал в телеграммах в Военное министерство Великобритании [23, с. 130].

Ещё одна задача ноты заключалась в успокоении общественного мнения западных стран, поскольку в Европу и Америку так или иначе проникали слухи об отсутствии у А. В. Колчака симпатий к республиканской форме правления. В первой половине 1919 г. в САСШ неоднократно высказывались требования о выводе американских войск из Сибири [24, с. 67]. В связи с чем в Сенате 25 июля 1919 г. президент САСШ В. Вильсон был вынужден аргументировать присутствие союзников в Сибири и на Дальнем Востоке [25, с. 23]. В конце мая 1919 г. в Нью-Йорке состоялся митинг против еврейских погромов в России, участники которого отправили в Париж резолюцию, требующую пресечь погромщиков [26, с. 374]. Данная акция была вызвана известиями о немалом количестве антисемитских прокламаций, выходящих на территории антибольшевистской России [27, с. 320].

Впрочем, сибирские газеты как для местного населения, так и для союзников представляли А. В. Колчака человеком, который имеет демократическое прошлое, что может служить для Запада прочной гарантией [28, с. 2]. Приводились слова союзных дипломатов, подчёркивающих, что А. В. Колчак не является ни сторонником дореволюционного режима, ни монархистом, что это честный солдат, одним из первых признавший Временное правительство [29, с. 1]. Акцентировалось, что, по мнению западных политических деятелей (например, У. Черчилля), только Российское правительство А. В. Колчака не позволит «вернуть прогнивший старый режим» [30, с. 3]. Одновременно за рубежом предпринимались попытки придать А. В. Колчаку имидж сторонника демократической формы правления. В британской газете «Таймс» А. В. Колчак был показан союзником, правильно взявшим власть в свои руки [31, с. 90]. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж в интервью газетам положительно оценивал личность А. В. Колчака, считая, что его можно убедить пойти на демократические реформы [32, с. 312]. Вскоре после ответа на ноту американская газета «Нью-Йорк Трибун» указывала, что омское правительство пользуется поддержкой социалистических и демократических организаций со всей России [33, с. 131]. Сибирская пресса отмечала, что иностранные державы и впредь готовы предоставлять помощь А. В. Колчаку, поскольку довольны содержащимися в его ответе на ноту заверениями о демократии, свободе самоуправления русского народа и его соседей [34, с. 1].

Данные формулировки были далеки от реальности. А. В. Колчак резко негативно относился к демократическим формам правления, отдавая предпочтение единоличной власти. По сути, он не переставал оставаться монархистом и после Фев-

ральской революции [35, с. 185]. «После Февраля 1917 г. у Колчака произошла смена политических ориентиров, но не взглядов, и его мировоззрение эволюционировало в сторону установления военной диктатуры и вовлечения армии в управление страной» [36, с. 191]. Согласно личному мнению Д. Ллойд-Джорджа, А. В. Колчак являлся монархистом, хотя британский премьер-министр это не афишировал. На деле Российское правительство А. В. Колчака не соответствовало ни парламентской демократии, ни президентской республике, являясь военным режимом [37, с. 50]. Сам Верховный правитель, как человек милитаристских взглядов, симпатизировал японской политической системе, о чём он сам утверждал в личной переписке [38, л. 90]. Причём это сказывалось и в организации пропаганды для местного населения, отличающейся от информации, предназначавшейся для заграницы: «Колчаковский военный русский национализм представлял собой типично этатистскую модель. В основу был заложен аффект страха. Националистическая пропаганда пыталась вызвать у населения страх за гибель русской культуры, православной России и тем самым мобилизовать его на борьбу с врагами русского народа — большевиками» [39, с. 155].

Что касается восприятия помощи от союзных правительств в Омске, то их действия зачастую не вызывали у А. В. Колчака восторга, хотя помощь, даже присутствие на территории России для победы над общим противником всегда приветствовалась. Так, в июле 1919 г. во время доверительной беседы с представителями общественности А. В. Колчак говорил о союзниках: «Моё мнение — они не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна» [40, с. 304]. В этой ситуации А. В. Колчак высказал характерное для антибольшевистских политиков мнение. Понимая, что в этом конфликте союзники в той же мере не приемлют большевиков, единого представления о будущей роли в России у зарубежных политических деятелей не было выработано.

Однако в мае 1919 г., прибыв в Уфу, Верховный правитель на официальных торжественных встречах хвалил союзников. «Всем известно, что союзники нам помогают; уже одно это, осознание, помимо реальной помощи, вселяют в нас бодрую уверенность, что дело наше верное, расчеты точны, руководители надёжны и приведут нас к страстно желаемой цели» [41, с. 16]. Далее подробно перечислялось количество военных поставок от Великобритании, как пример их уверенности в победе антибольшевистских сил: «Сопоставляя всё сообщённое, всякий с удовлетворением скажет: практичные люди — а кто посмеет отказать англичанам в практичности, так помогать не станут в деле, построенном не на твёрдой уверенности, а на риске и на вере в счастливую случайность» [42, с. 16].

Но данные союзнические договорённости могли срывать лишь в случае успехов на фронте. В союзных столицах помнили неудачный опыт с Директорией, свергнутой в ноябре 1918 г., накануне признания [42, с. 111]. До её свержения союзники были благоприятно настроены к омскому правительству [43, с. 29]. Согласно воспоминаниям посла антибольшевистской России в Лондоне, К. Д. Набокова, союзники опасались, что судьбу Директории повторит правительство А. В. Колчака [44, с. 245]. Во французском правительстве также склонялись к признанию Директории, пока

не получили известие о приходе А. В. Колчака к власти [45, с. 222].

Но в итоге признания не произошло по объективным причинам. Летом 1919 г. инициатива на Восточном фронте переходит к Красной Армии. От союзных дипломатов приходили с мест неутешительные новости. Посол САСШ в Японии Р. Моррис, неоднократно призывавший признать правительство А. В. Колчака, положительно оценивавший его власть, сменил своё мнение. Посетив Омск летом 1919 г., Р. Моррис в телеграмме отмечал, что правительство потеряло связь с кооператорами, земствами и партийными организациями, отдав власть военным, в результате чего последовал крах в санитарной, финансовой и экономической сфере [18, с. 352]. Сыграли немаловажную роль и донесения иностранных военных. В секретном доносении подполковник американской военной миссии Р. Л. Эйхельберг так описывал ситуацию в Сибири летом 1919 г.: «Самая значительная слабость Омского правительства состоит в том, что подавляющее большинство находится в оппозиции к нему. Грубо говоря, примерно 97 % населения Сибири сегодня враждебно относится к Колчаку... Омское правительство ведёт борьбу против демократии» [46, с. 112]. Несмотря на внешнюю доброжелательность иностранных союзников антибольшевистского движения к Российскому правительству А. В. Колчака, за границей подходили к вопросу его признания довольно осторожно. Кроме опасений насчёт его неустойчивости западные политические деятели получали информацию о неспособности омского правительства в кратчайшие сроки решить внутренние проблемы. Хотя идея о признании А. В. Колчака поднималась вплоть до начала ноября 1919 г., падение белого Омска заставило забыть об этом.

Библиографический список

1. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2013. 672 с. + вкл. 24 с.
2. Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века: моногр. Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2012. 342 с.
3. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.
4. Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 2000. 171 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1 Д. 225.
6. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск: Изд-во Том. гос. архитектур.-строит. ун-та, 2006. 269 с.
7. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 115.
8. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 58.
9. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Кн. 2. Часть III. М.: Айрис-Пресс, 2004. 496 с.
10. Квакин А. В., Князев В. В., Смирнов М. И. [и др.]. Окрест Колчака: документы и материалы. М.: Аграф, 2007. 512 с. ISBN 978-57784-0335-2.
11. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Изд-во Центрполиграф, 2002. 702 с.
12. Курганов И. А. Иностранные участники коммунистической революции // Первопоходник. 1973. № 15. С. 46–57.
13. За спиной Колчака: Документы и материалы / Под ред. А. В. Квакина. М.: Аграф, 2005. 512 с.
14. Хандорин В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 368 с.
15. К вопросу о признании Российского правительства // Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 июня.
16. Кипарисов В. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. Омск, 1919. 37 с.
17. Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 338 с.
18. Шиловский В. М. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
19. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 июня.
20. О признании Всероссийского правительства // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 11 июня.
21. К ожидаемому признанию Омского правительства // Народная свобода (Барнаул). 1919. 3 июня.
22. Ланцев С. Н. А. Ф. Керенский, Л. Г. Корнилов и британское политическое сообщество: ориентация на военную диктатуру // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Языковедение. 2012. № 2. С. 123–128.
23. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920. М.: Центрполиграф, 2006. 272 с.
24. Советский Союз глазами американцев. 1917–1977. Документы и материалы. М.: Мысль, 1979. 348 с.
25. Россия и США: Экономические отношения. 1917–1933. Сборник документов. М.: Наука, 1997. 441 с.
26. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 552 с.
27. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 500 с.
28. Россия и союзники // Приишимье (Петропавловск). 1919. 20 июня.
29. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 10 июля.
30. Телеграммы // Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 июня.
31. Волков Е. В., Ирвин Д. Д. А. В. Колчак как политик: образы и оценки Верховного правителя в британской прессе (1918–1920 годы) // Новый исторический вестник. 2016. Т. 47. № 47. С. 87–100.
32. Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.
33. Глуценко Н. А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2014. 263 с.
34. К вопросу о признании правительства адмирала Колчака // Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 28 июня.
35. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: моногр. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 260 с.
36. Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. 200 с.
37. Бучко Н. П., Ципкин Ю. Н. Политические взгляды и деятельность А. В. Колчака в 1917–1920 гг. //
38. Исторический архив Омской области. Ф. Р-3436. Оп. 1. Д. 5.
39. Сушко А. В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.
40. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. СПб., 1991. № 2. С. 283–338.

41. По ту сторону Урала (в царстве Колчака). Уфа: Издание Уфимского Губернского Революционного Комитета, 1919. 39 с.
42. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.
43. Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918–1922 гг. Впечатление очевидца. Париж, 1985. 145 с.
44. Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. 282 с.
45. Смолин А. В. Маклаков В. А. Воспоминания о посольской деятельности. Отрывок // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 206–227.

46. Кирмель Н. С. Борьба органов колчаковской контрразведки с военным и политическим шпионажем (1918–1919 гг.) // Армия и общество: науч.-инфор. журн. 2007. № 1. С. 108–115.

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: stelmakmm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2017 г.

© М. М. Стельмак